

УДК 811.161.1

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННЕГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА: АНАЛИЗ НОВЕЛЛ Л.Н. АНДРЕЕВА «СМЕХ» И «ЛОЖЬ»

М.С. Миленин

*Аспирант кафедры русского языка и литературы
e-mail: maxim.milenin@gmail.com*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Статья посвящена лингвопоэтическому анализу новелл Л.Н. Андреева «Смех» и «Ложь», которые рассматриваются как примеры раннего русского экспрессионизма. В работе исследуются композиционные, тематические и языковые особенности этих произведений, объединенных общими мотивами одиночества, абсурда и человеческой уязвимости. Применение метода лингвопоэтического сопоставления позволяет выявить ключевые элементы художественного языка Андреева: специфику использования метафор, лексических повторов, антитез и гротеска. Особое внимание уделено экспрессивной функции языка и символике, через которые передается внутреннее состояние героев. На основе материала, специально отобранного из текста названных произведений, демонстрируется, как в них осуществляется переход к экспрессионистской эстетике, акцентирующей искажение реальности ради отображения сложных эмоциональных и психологических переживаний. Исследование подчеркивает значимость новелл «Смех» и «Ложь» для формирования новой литературной эстетики начала XX века и их вклад в развитие языкового стиля русского модернизма.

***Ключевые слова:** экспрессионизм, новелла, «Ложь», «Смех», лингвопоэтическое сопоставление, нарратив, лексика, семантика, символика, эмоциональная насыщенность.*

Введение

Леонид Андреев, один из крупнейших представителей русского литературного модернизма, всегда мастерски использовал яркие, предельно экспрессивные художественные средства как инструмент для исследования сложных вопросов человеческого бытия, социально-психологических конфликтов и философских тем. Его творчество, заостряющее мотивы и создающее образы экзистенциального одиночества, борьбы с внутренними противоречиями и стремления к истине, занимает особое место в литературе начала XX века.

Рассказы «Смех» (1901) и «Ложь» (1900) выделяются некоторыми исследователями творчества Андреева в своеобразную дилогию: они представляют собой две в высшей степени оригинальные попытки раскрыть тему одиночества, абсурда, человеческой уязвимости и написаны в характерном «андреевском» стиле. Отличительной чертой

художественного метода этих произведений является экспрессивность – авторский акцент, поставленный на внутренних переживаниях героев и выраженный через языковые средства, которые призваны создать глубину художественных образов и крайне сильный эмоциональный эффект. И.И. Московкина определяет «Смех» и «Ложь» как «лирические новеллы», тяготеющие к «рождественско-пасхальному» циклу писателя [Московкина 1994: 13]. Такое определение основано прежде всего на содержательно-тематическом сходстве исследуемых художественных произведений. Однако и с точки зрения языковых средств выражения экспрессивности эти произведения следует рассматривать вместе, применяя при этом метод компаративного анализа.

Новелла «Ложь» – психологическое произведение нового типа в отечественной литературе, «начало ложного рода» повествования, по мнению Л.Н. Толстого [Библиотека Л.Н. Толстого 1972: 38]. Здесь раскрывается разрушительное воздействие на человека обмана и самообмана, которые трактуются писателем как личностные и философские категории. Через внутренний монолог и переживания главного героя автор подводит читателя к размышлению о природе правды и лжи, их неизбежном, подчас деструктивном влиянии на личность. В этом художественном тексте лексема *ложь* выступает не просто как обозначение поступка, «намеренно искажаемую истину» [БАС 2007: 282], но как всеобъемлющий феномен, пронизывающий жизнь отдельного человека и социальные отношения в целом. Таким образом, Л. Андреев расширяет узкую семантику заголовочной лексемы произведения.

В свою очередь, новелла «Смех» исследует двойственность человеческой природы через символику смеха. Вопреки привычной семантике, смех здесь не освобождает, но ранит, унижает, лишает главного героя самооценки и превращает его страдания в предмет насмешки. В этом произведении Андреев создает атмосферу абсурда, подчеркивая хрупкость человеческого достоинства и неизбежность конфликтов между внешними ожиданиями и внутренним состоянием.

С точки зрения формы оба произведения построены как предельно эмоциональные лирические монологи героев-рассказчиков [Московкина 1994: 13]. Первоначальный нарратив имеет целью точно передать внутренние переживания, мысли и в целом – эмоционально-психическое состояние персонажей.

Материалы и методы

Отмечая функционально-стилистическую схожесть двух новелл Андреева и ставя целью выявление лингвопоэтических особенностей текстов этих произведений, следует обратиться к методу лингвопоэтического сопоставления, который позволит не только выявить и

систематизировать лингвопоэтические особенности двух текстов, но и определить функциональные особенности языковых единиц в этих работах, их роль в создании общего эстетического эффекта. Лингвопоэтическое сопоставление «позволяет оценить роль одних и тех же формальных элементов в раскрытии сходного содержания, что значительно увеличивает объективность конечных выводов» [Липгарт 1995: 134].

Тексты новелл «Смех» и «Ложь», выступающие в качестве материала исследования, взяты в отредактированном текстологами варианте из первого тома наиболее полного к настоящему времени собрания сочинений Л.Н. Андреева в шести томах (1990–1996 гг.) [Андреев 1990]. Исследуемые произведения относятся к одному периоду творчества писателя, написаны последовательно друг за другом, схожи в сюжетно-композиционном плане, что дает возможность провести синхроническое лингвопоэтическое сопоставление.

Результаты

На старте лингвопоэтического анализа и лингвопоэтического сопоставления двух художественных текстов следует обратиться к изучению сюжетно-композиционной структуры произведений, отмечая тематические и структурные сходства и различия для того, чтобы затем выявить языковые средства, их выражающие.

Тема новеллы «Ложь» связана с разрушительным воздействием лжи на личность и межличностные отношения. У Леонида Андреева *ложь* становится не просто обманом, а сущностной характеристикой окружающего мира. В тексте возникает значительное семантическое расширение слова. Главный герой, безмянный рассказчик, как и в «Смехе», стремится к правде, но эта правда оказывается недостижимой, что приводит его к внутреннему кризису, убийству возлюбленной, сумасшествию. Идея произведения заключается в изображении трагедии человеческой жизни, в которой правда и ложь переплетаются настолько тесно, что их невозможно разделить, – итогом является её, жизни, разрушение.

Исследователи выделяют в рассказе «Смех» в качестве главного – мотив экзистенциального одиночества, определяя данное произведение, как «художественный» и «экзистенциальный» эксперимент [Догнал 2016: 24]. Одновременно с этим отмечается, что в основе его сюжета – игра [Карякина 2001: 126-127] как «фундаментальная особенность существования» человека и способ взаимодействия с миром, то есть – механизм разрешения поставленной экзистенциальной проблемы. В этой новелле основной темой является губительная сила насмешки и социального давления. Герой произведения надеется на признание своих

чувств возлюбленной и ответную любовь, но его искренность сталкивается с насмешкой, которая лишает его надежд и унижает его человеческое достоинство. Смех предстает в качестве инструмента отчуждения. И это еще одна окказиональная новация Л. Андреева. Идея текста – показать, как поверхностное отношение окружения может исказить внутренний мир человека, создавая непреодолимую пропасть между личностью и обществом.

Написанный и опубликованный несколькими месяцами позже «Лжи», рассказ «Смех» сюжетно и тематически выступает в качестве первой части этой диалогии: «Ложь» доводит до логического заключения конфликт, представленный читателю в «Смехе». Сюжет последнего развивается через смену эмоциональных состояний главного героя. Напряженное, в первых строках – даже радостное, ожидание сменяется унижением, отчаянием. С унижения, отчаяния начинается в свою очередь «Ложь», в которой развитие сюжетной линии – последовательное нарастание внутреннего напряжения героя. В обеих новеллах кульминационным является момент предельного, критического эмоционально-психического состояния – «надрыва» у персонажей, наивысшей боли и одновременного разочарования, а финал – осознание необратимости произошедшего.

Таким образом, композиция этих художественных произведений строится на последовательном раскрытии внутренних переживаний героев. Описания внешних событий минималистичны, они служат фоном, усиливающим драматизм происходящего внутри персонажей. События достигают кульминации, после которой герой оказывается сломленным: в «Лжи» – это убийство возлюбленной, что подчеркивает бессмертие лжи, в «Смехе» – эмоциональное уничтожение героя насмешкой. Несмотря на убийство лгущего человека, физическое устранение, ложь продолжает существовать как часть мира. Композиция усиливается трагическим звучанием – главный герой не только не находит правду, но и теряет себя в борьбе с иллюзиями. Последние строки произведения оставляют у читателя ощущение безысходности и экзистенциального отчаяния. Финал «Смеха» акцентирует мотив разрушения человеческого достоинства. Герой, униженный и высмеянный, пытается избавиться от символа своего унижения – маски, но это не приносит ему освобождения. Композиция замыкается: герой оказывается в точке, где его надежды полностью уничтожены, а смех становится символом его поражения.

Лексика исследуемой диалогии Леонида Андреева выполняет, прежде всего, эмоционально-экспрессивную и символическую функции, акцентируя внимание читателя на внутреннем состоянии героев и создавая образы, насыщенные психологическим и философским содержанием. Именно лексико-семантические особенности художественного

произведения позволяют сформировать эмоциональное поле повествования.

В новелле «Ложь» автор активно использует лексемы отвлеченной семантики с высокой стилистической окраской: *ложь, правда, бесконечность, мрак, смерть, бессмертие, вечность*. Данные понятия, обладающие глубокой философской нагрузкой, представляют собой номинализованные формы, зафиксированные чаще всего в виде абстрактных существительных. С их помощью в тексте выстраивается система взаимосвязанных категорий, формирующих мировоззренческую базу произведения. Вот один из характерных контекстов их употребления:

«Там тьма, там пустота веков и бесконечности, и там нет ее и нет ее нигде. Но ложь осталась. Она бессмертна» [Андреев 1990: 276]

Абстрактные существительные в новелле создают полифоническую семантическую сеть, где каждое понятие насыщено дополнительными смысловыми оттенками, Экспрессивно-оценочные качественные прилагательные (такие как, например, *ядовитый, непроницаемый, безмолвный*) крайне частотны в тексте и выполняют важную функцию семантической детализации, выражая не только объективную характеристику, но и эмоциональную оценку, усиливая образность всей новеллы в целом. В произведении преобладают префиксальные и суффиксальные модели, выражающие отрицание (*безмолвный, безгласный, безысходный, бездонный*), которые используются для контрастного выделения качеств, подчеркивая отсутствие того или иного свойства. Деривация такого рода помогает создавать эмоционально насыщенные образы, усиливая впечатление трагичности или неизбежности происходящего. Одновременно с этим следует отметить частое употребление автором местоимений первого лица в тексте «Лжи», которое подчеркивает субъективный, интимный характер повествования – такая морфологическая маркировка субъекта способствует более глубокому погружению читателя в психологический мир героя.

Леонид Андреев оперирует бинарными оппозициями, что отражается в активном использовании антонимов, усиливающих философскую проблематику текста. *Ложь* как метафизическое понятие, выражающее неверность и олицетворяющее разрушение, обман и иллюзорность человеческого бытия, противопоставляется *правде*, что приводит к контекстуальной полисемии данной лексики – два связанных между собой значения сливаются, объединяются в одно целостное смысловое единство: правда в новелле выступает и как «то, что соответствует действительности, истина» [БАС 2011: 417], и как «то, что исполнено истины, правдивость» [БАС 2011: 419]. Другие противопоставления в тексте – *свет* и *тьма, жизнь* и *смерть* – призваны усилить экспрессию оппозиции *правды* и *лжи* и отражают экзистенциальную тревогу героя.

Дополнительную философскую глубину тексту придают многочисленные метафоры и сравнения, подчеркивающие трагичность происходящего, усиливающие его напряженность и наделяющие образы дополнительным символическим звучанием. Например:

«...профиль, такой белый, строгий и правдивый, какой бывает у задумавшегося ангела над могилой забытого человека» [Андреев 1990: 269].

Или:

«...я смеялся и радовался и сжимал пальцы так, будто они когти, и будто я держу в них то маленькое и ядовитое, что шипит, словно змейка: ложь! Она извивалась в моих руках и кусала мое сердце, и от яда ее кружилась моя голова» [Андреев 1990: 271].

Метафоричность текстов Андреева напрямую указывает на высокий уровень их экспрессивности. «Функция метафоры – в экспрессивности самого словесного выражения и в привлечении внимания к этому выражению» [Томашевский 1925: 30]. Предельная символичность и активное применение адгерентных коннотаций отдельных лексем является главным инструментом, с помощью которого Леонид Андреев решает не только основную художественную задачу в литературе – раскрытие темы произведения, но и задачу художника-экспрессиониста – отражение эмоций, переживаний, психологического состояния литературного персонажа. Так, вынесенные в заголовки абстрактные существительные *ложь* и *смех* выступают у автора не только в качестве темоопределяющих и сюжетообразующих понятий, но и являются символами и текстуальными эвристемами. Их автор многократно повторяет в текстах, умышленно навязывая эти мотивы читателю, как и сами чувства главных героев, доводя их до состояния болезненной одержимости.

Ложь в контексте всего произведения является, с одной стороны, явным символом несправедливости, неприятия героя окружающим его миром, несвободы, т.е. явлением вполне самостоятельным, первично номинированным; с другой стороны – в этой же новелле она выступает в качестве явления косвенно номинированного: *холод и снег (с холодным, как снег, лицом; душистое холодное облако; взгляд ее, холодно-пытливый), насмешливый хохот (на ухо смеялся кто-то запертый: хо-хо-хо), клетка и тьма* – предстают своеобразными ипостасями лжи. Лексические предпочтения Андреева наполнены как негативными, так и нейтральными коннотациями, что позволяет создавать полифонический образ мира, в котором *ложь* становится не просто отрицательным явлением, а многогранной категорией, влияющей на все аспекты человеческого существования. Эвфемистичные обороты (например, *отсутствие правды* или *невыразимая боль*) смягчают резкость конфронтации, добавляя тексту философской глубины и многослойности.

Необходимо отметить, что неоднократные лексические повторы, «в которых немаловажная роль отведена репрезентанту интенсивности с семантикой многократно повторяющегося действия» [Шелякина 2022: 302] (здесь – повторение выражения смеха, неопределенного, бессубъектного) и синтаксический параллелизм являются одними из основных средств лингвистической экспрессивности в художественных текстах Андреева. С той же целью применяется антитеза – принцип контраста снежного поля и краснеющего пламени одинокой свечи, тьмы улиц и света уличных фонарей, лжи и правды – призван передать эмоциональное состояние героя-рассказчика в определенный момент повествования. Так, при описании возлюбленной главного героя, его своеобразного антагониста, Леонид Андреев использует следующей образ: «*Окруженный голубым ободком, чернел зрачок, и сколько я ни смотрел в него, он был все такой же черный, глубокий и непроницаемый*» [Андреев 1990: 269]. Голубой цвет, символизирующий надежду, контекстуально противопоставляется черному, синонимичному *скрытой лжи*.

На противопоставлении оттенков значений лексемы *смех* выстраивается вся система образов одноименной новеллы. Эпитеты, связанные с указанной лексемой, варьируются от *звонкий, веселый, яркий* до *жесткий* («*все ярче разгоралась улыбка. Это было солнце, но солнце жгучее, беспощадное, жесткое*» [Андреев 1990: 270]), что подчеркивает двойственность этого явления в тексте. В целом, широкий спектр эпитетов в новелле выполняет функцию экспрессивного описания как внешнего вида, так и эмоциональных состояний; уточняет и усиливает смысловые оттенки описываемых объектов, делая их образ более ярким и многомерным.

«Смех» использует контрасты между эмоциональными состояниями: внешнее, почти театрализованное веселье и внутреннюю трагедию, отчаяние, унижение. Полярность выражается через эмоциональные эвфемизмы (к примеру, *отчаянно весело* или *безумное веселье*) и противопоставление конкретных и абстрактных существительных. Так, конкретные существительные помогают создать яркий визуальный образ внешнего облика героя и его окружения, отражая театральность и фарсовость ситуации, а абстрактные – напротив, служат для создания портрета внутреннего состояния героя, его переживаний и противоречий между внешней веселостью и внутренней болью. Следует отметить, что субстантивация абстрактных понятий *смех, страдание, отчаяние* позволяет воспринимать их в тексте как самостоятельные, фактически осязаемые категории. Такой процесс номинализации способствует философской рефлексии над тем, как внешние явления (смех) соотносятся с внутренним миром человека.

В исследуемых произведениях отмечается высокая частотность конструкций с интенсификатором *безум(ие/ный)*: *безумного веселья, с безумием отчаяния, безумной ревности, безумно хотелось*. Такая повторяемость способствует стилистической когезии текста, создавая ассоциативное поле, в котором разные эмоциональные состояния воспринимаются как проявления единой интенсивной эмоциональности. Это метафорическое расширение позволяет Андрееву использовать один и тот же словообразовательный элемент для выражения как положительных, так и отрицательных крайностей переживаний, что подчеркивает их гиперболизированный характер.

Новеллы «Смех» и «Ложь» объединяет, помимо прочего, активное использование автором местоимений первого лица, которое подчеркивает субъективность восприятия и позволяет читателю глубже окунуться в личный, эмоционально заряженный мир героя, способствует усилению эффекта интимности и непосредственности повествования.

Смех – ключевая, но не единственная экспрессема, выполняющая важнейшую для автора функцию эмоционального воздействия на читателя. Так *маска* выступает символом отчуждения главного героя от окружающих и от самого себя, олицетворяет нелепость, которую герой не может преодолеть; *зеркало* становится инструментом самопознания, но вместо истины персонаж видит только искаженное, абсурдное отражение, что усиливает трагический эффект.

Оксюмороны, такие как *жестокий смех* или *идиотски-спокойная физиономия*, усиливают восприятие несоответствия внешнего и внутреннего, обостряя восприятие трагедии героя. Гротеск и искажение реальности, как один из излюбленных экспрессионистических приемов Андреева, проявляется в диалогии в образах змеи и маски, символах лжи и отчуждения, непонимания и неприятия. Персонификация такого рода, где абстрактные понятия принимают материальную форму, характерны для всех художественных текстов писателя, относящихся к направлению экспрессионизма.

Таким образом, эмоционально-экспрессивная окраска двух художественных текстов Леонида Андреева характеризуется многослойностью: герои испытывают одновременно несколько сильнейших эмоций (гнев, любовь, боль, стыд), что отражается в многозначности используемой лексики; частотности применения метода противопоставления, контраста лексических значений.

Новеллы «Смех» и «Ложь» схожи с точки зрения ритмики и синтаксических особенностей их текстов. Прежде всего следует отметить особый, «рваный» ритм этих произведений – резкие и короткие, зачастую риторические диалоги, диалогические вставки, реплики «разрывают» полотно несобственной-прямой речи героя-рассказчика, создавая эффект

постоянного эмоционального напряжения. Контраст диалога и монолога не только влияет на саму структуру текстов, но и позволяет выставить дополнительные акценты, внутритекстовые и смысловые ударения на отдельные реплики персонажей. В новелле «Смех» на восклицание возлюбленной главного героя *Какой вы... смешной!* тот отвечает (кричит): *«Вы не должны смеяться!»* Автор использует простые синтаксические конструкции с обязательным применением однокоренных слов к экспрессеме *смех* только для того, чтобы усилить выражение жестокости и унижения – смех героини и окружающих ранит героя, демонстрируя его уязвимость и невозможность быть понятым. Следует также отметить, что в данной художественной работе монологи рассказчика, обращенные к возлюбленной, остаются без ответа, что усиливает эффект его изоляции от окружающего мира и подчеркивают непонимание и отчуждение. В новелле «Ложь» ключевая экспрессема является основой для коротких, резких, и крайне символических диалогов: в пятой главе произведения внутренний диалог персонажа строится из несобственно-прямой речи и коротких, состоящих из одного восклицания *Ложь!* реплик, организованных как прямая речь.

Особый ритм обоих произведений помогают выстраивать анафоры: практически вся первая глава «Смеха» построена на повторе указания времени в начале каждого абзаца, придавая этому фрагменту текста максимальную динамичность и одновременно экспрессивность. Фиксированные временные маркеры (*в половине седьмого, ровно в семь, в без пяти минут семь*) играют важную роль в структурировании повествования, задавая хронологический ритм событий. В этой же новелле отмечается анафорическое предложение *Но она смеялась*, которое усиливает экспрессивный эффект; в тексте «Лжи» анафора *Я ждал ее, и она не приходила* применяется с той же целью. Анализируя синтаксическое полотно двух текстов, следует особенно отметить частотность использования Леонидом Андреевым простых предложений, выстроенных по схеме «союз – подлежащее, выраженное местоимением, – сказуемое, выраженное глаголом в прошедшем времени» (*Но она смеялась; Но она удивилась; И она поцеловала меня; Но она молчала*). Все они выполняют в первую очередь ту же анафорическую функцию.

Обсуждение результатов

Результаты работы по лингвопоэтическому сопоставлению текстов художественных произведений Леонида Андреева «Ложь» и «Смех» показывают не только значительные сходства этих произведений с точки зрения их функционально-стилистических и структурных особенностей, но и прямо указывают на то, что эти новеллы можно считать одними из самых первых экспрессионистских работ писателя. В них прослеживаются

ключевые признаки указанного литературного направления: акцент на эмоциях, искажении реальности для выражения внутреннего состояния героя и использование яркой, насыщенной символики, поскольку «экспрессионизм как тип творческого сознания и как приём объединяет общая природа художественного высказывания: глубочайшие экзистенциальные переживания личности не могут быть переданы в нем иначе, как с предельной степенью выразительности» [Шестакова 2017: 9]. Уже современники отмечали эту «червоточину декадентства» Андреева: критик Н.К. Михайловский так писал о «Лжи»: «Этот странный рассказ представляется мне маленьким темным облаком на светлом будущем Л. Андреева как художника. Вопрос в том, – разрастется ли это облачко в мрачную тучу, которая весь горизонт закроет, или, набежав на мгновение, рассеется в пространстве» [Горький, Андреев 1965: 15].

Элементы гротеска, олицетворения и предельная эмоциональная насыщенность текстов сближают рассказы «Смех» и «Ложь» с более поздними классическими экспрессионистскими произведениями Андреева – «Красным смехом», «Стеной», «Елеазаром» и другими. Языковые схемы «Смеха» и «Лжи» построены на активном применении автором лексических повторов, метафор и анафоричности – эти же средства языковой выразительности станут основными инструментами построения гротеска, гиперболизации и искажения реальности как главных лингвопоэтических признаков классических произведений Андреева. Так же лингвопоэтическое сопоставление показало, что новеллы «Смех» и «Ложь» можно считать диалогией не только с точки зрения их жанра, тематики, близости художественных образов, но и с позиции художественной формы – языковые схемы реализации смежных тем построены с помощью одних и тех же элементов и методов. Сам автор выступил предшественником экспрессионистской эстетики, органично сочетая традиции русской реалистической литературы с элементами нового художественного направления. Его умение передавать сложные эмоциональные состояния героев, исследование абсурдности и трагичности жизни сделали новеллы уникальными как в русской, так и в мировой литературе.

Заключение

«Смех» и «Ложь» представляют собой примеры раннего экспрессионизма, в которых с особой силой звучат темы одиночества, отчуждения человека и борьбы с абсурдом окружающего мира. Эти произведения можно рассматривать как важные вехи в становлении Андреева-экспрессиониста, демонстрирующие его вклад в формирование новой эстетики, философии и языка отечественной литературы XX века.

Вне зависимости от приверженности к тому или иному литературному направлению, соотнесения с определенной исторической эпохой и индивидуальных жанровых предпочтений, каждый автор, как правило, вырабатывает свой собственный арсенал языковых средств, формирующих его художественный метод, его идиостиль. Однако одновременно с этим все литературные течения дифференцируются лингвистически – каждое направление характеризуется уникальными языковыми особенностями, отражающими его эстетические, идеологические и культурные установки. Лексический состав, синтаксическая организация, стилистические средства и фигуры речи определяют совокупность специфических языковых характеристик не только художественного приема писателя, но и литературного направления в целом. Данная статья представляет собой фрагмент исследования лингвопоэтических «инструментов», позволивших Л.Н. Андрееву как сформировать свой собственный авторский художественный стиль, так и определить в целом лингвистический вектор развития экспрессионистской прозы, поскольку языковой портрет писателя выступает в качестве составного элемента языкового образа литературного направления, которое он представляет в своем творчестве.

Библиографический список

Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. М.: Худож. лит., 1990. 639 с.

БАС 2007 – Большой академический словарь русского языка. Т. 9: Л – Медь. СПб.: Наука, 2007. 658 с.

БАС 2011 – Большой академический словарь русского языка. Т. 19: Порок – Пресс. М.: Наука, 2011. 706 с.

Библиотека Л.Н. Толстого – Библиотека Льва Николаевича в Ясной Поляне: Библиографическое описание. [Вып.] I. Книги на русском языке: А-Л. М. 1972. 440 с.

Горький М., Андреев Л.Н. Неизданная переписка / ред. И.С. Зильберштейн; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1965. 630 с.

Догнал Й. Андреевский «Смех» как экзистенциальный эксперимент // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): Сборник статей по итогам II Международной научной конференции, Москва, 22–23 января 2016 года / Под общ. ред. Л.Ф. Алексеевой, В.Н. Климчуковой, С.В. Крыловой. М.: Московский государственный областной университет, 2016. С. 24-29.

Карякина М.В. Поэтика игры в рассказе Леонида Андреева «Смех» // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и

региональные особенности: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 10–11 октября 2000 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. Ч. 2. С. 126–131.

Лунгарт А.А. Художественный текст как предмет лингвопоэтического исследования [Электронный ресурс]. 1995. URL: <https://bibliotekanauki.pl/articles/1921627> (дата обращения: 12.12.2024).

Московкина И.И. Поэтика прозы Леонида Андреева. Жанровая система и художественный метод: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1994. 37 с.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. Ленинград: Гос. изд., 1925. 232 с.

Шелякина В.В. Средства выражения интенсивности и их экспрессивный потенциал в рассказе Л.Н. Андреева «Ложь» // Русский язык: образование, наука, культура: Материалы международной научно-методической сессии, Москва, 23–25 ноября 2022 года / Под общ. ред. С.М. Колесниковой. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 297–305.

Шестакова М.А. Становление поэтики русского экспрессионизма в литературе 1900–1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 22 с.

References

Andreev L.N. *Sobranie sochinenii. V 6-ti t. T. 1. Rasskazy 1898–1903 gg.* M.: Khudozh. lit., 1990. 639 s.

BAS – Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 9: L - Med'. SPb.: Nauka, 2007. 658 s.

Biblioteka L.N. Tolstogo – Biblioteka L'va Nikolaevicha v Yasnoi Polyane: Bibliograficheskoe opisanie. [Vyp.] I. Knigi na russkom yazyke: A-L. M. 1972.

Gor'kii M. Andreev L. N. Neizdannaya perepiska / red. I.S. Zil'bershtein; Akad. nauk SSSR, In-t mirovoi lit. im. A.M. Gor'kogo. M.: Nauka, 1965. 630 s.

Dognal I. Andreevskii «Smekh» kak ehkzistentsial'nyi ehksperiment / I. Dognal // Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste ehpokhi («Smirnovskie chteniya»): Sbornik statei po itogam II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 22–23 yanvarya 2016 goda / Pod obshchei redaktsiei L.F. Alekseevoi, V.N. Klimchukovoi, S.V. Krylovoi. M.: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2016. S. 24–29.

Karyakina M.V. Poetika igry v rasskaze Leonida Andreeva «Smekh» / M. V. Karyakina // Dergachevskie chteniya – 2000. Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 10–11 oktyabrya 2000 g. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. CH. 2. S. 126–131

Lipgart A.A. Khudozhestvennyi tekst kak predmet lingvopoehticheskogo issledovaniya [Elektronnyi resurs]. URL: <https://bibliotekanauki.pl/articles/1921627> (data obrashcheniya: 12.12.2024).

Moskovkina I.I. Poehtika prozy Leonida Andreeva. Zhanrovaya sistema i khudozhestvennyi metod: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. Kiev, 1994. 37 s.

Tomashevskii B. V. Teoriya literatury. Poehtika. Leningrad: Gos. izd., 1925. 232 s.

Shelyakina V.V. Sredstva vy`razheniya intensivnosti i ix e`kspressivny`j potencial v rasskaze L.N. Andreeva «Lozh`» / V.V. Shelyakina // Russkij yazy`k: obrazovanie, nauka, kul`tura: Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy sessii, Moskva, 23–25 noyabrya 2022 goda / Pod obshej redakciej S.M. Kolesnikovoj. M.: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvenny`j universitet, 2022. S. 297-305.

Shestakova M.A. Stanovlenie poehtiki russkogo ehkspressionizma v literature 1900-1920-kh godov: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Saratov, 2017. 22 s.